

ТУРАНА М

ЛЮБОВЬ
твоя СТАЛА
ядом

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2Р0с=Рус)-44
Т86

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook),
относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской
и чья деятельность в России запрещена.

Художественное оформление — В. Давлетбаева
Оформление обложки, форзацев и вклады — Mori (Анастасия Карлаш)

М, Турана

Т86 Любовь твоя стала ядом [роман] / Турана М. — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 608 с. — (Грешный ангел).
ISBN 978-5-17-183160-8

Что может связывать Диану, девушку из приюта и успешных бизнесменов, братьев-близнецов? Прошлое! Братья Малик стали причиной, по которой девушка потеряла дом, родных и оказалась в детском доме. Единственное, что она хотела: больше никогда не пересекаться с ними, забыть и вычеркнуть из своей жизни!

Но спустя годы, судьба снова сводит их вместе. Она все ещё помнит причину и братьев, которые сломали ей жизнь и детство, а они нет...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2Р0с=Рус)-44

ОТ АВТОРА

Если ты тонкой душевной организации, а твое представление о любви связано лишь со светлыми и добрыми чувствами, настоятельно рекомендую отложить эту книгу. Здесь нет розовых пони и чудесных сказок.

Но если ты готов заглянуть за завесу привычного и увидеть любовь во всей ее противоречивой, подчас темной и всепоглощающей сущности — добро пожаловать. В мир, где чувства становятся испытанием, а страсть граничит с одержимостью. Где влечение переплетается с ненавистью, а границы между желанием, болью и исцелением стираются.

Приготовься к запутанным отношениям, токсичным связям, сложным моральным выборам и откровенным сценам, в которых герои теряют самих себя, чтобы найти что-то настоящее.

Действие романа происходит в вымышленной стране и городе. Национальность и этническая принадлежность героев намеренно не указаны, чтобы избежать культурных стереотипов и позволить читателю сосредоточиться на универсальной природе их чувств, страстей и конфликтов.

Ты все еще здесь? Тогда переверни страницу.

Твое путешествие начинается.

ПРОЛОГ

Я сижу у печки и разглядываю танцующие языки пламени. Протягиваю руки вперед, пытаюсь согреться. Целый день дедушка колот дрова, а я носила их из сада в сарай и аккуратно складывала.

В маленькую тесную комнату, в которой мы все уживаемся в холодное время года, входит бабушка. Она что-то ворчит себе под нос. Я настолько привыкла, что уже не обращаю внимание на ее слова. Ей никогда не нужна веская причина для недовольства — достаточно моего появления на свет.

— Диана! Где ты опять витаешь? Как не от мира сего, честное слово.

— Что такое, бабуль? — Устало поднимаю на нее глаза.

Подставляю руки ближе к огню. Я продрогла настолько сильно, что тепло никак не проникает в тело. *Вот если бы у меня были перчатки...*

— От матери твоей, говорю, ни слуху ни духу. Обещала еще на прошлой неделе приехать! Где ее черти носят?

— Приедет, бабуль, — смиренно отвечаю я. — С работы, наверное, не отпускают...

Мама — единственный человек, дарящий мне тепло и заботу. Она может не появляться неделями и месяцами, я давно смирилась с этим, но не переставала ждать ее. Когда мама приезжала в последний раз, пообещала, что заберет меня жить в город после того, как я окончу школу.

Она выглядела счастливой как никогда. Даже бабушка заметила и попыталась выведать, не появился ли у нее кто. Не при мне, конечно. Это я услышала случайно.

— Приехать-то приедет! Только скорее бы: денег совсем не осталось, — продолжает бабушка ворчать. — Давай вставай, девочка, хватит штаны просиживать! Ставь на огонь суп да чай. Дед скоро придет.

Я поднимаюсь, морща нос. Стоит только вспомнить вчерашний суп, как мне становится плохо. *В нем макароны так разбухли...*

Не успеваю пройти и пары шагов, как слышу шум и громкие крики, доносящиеся со двора. Вспросительно смотрю на бабушку, которая резко замолкает и вслушивается в голоса.

— Ох, не к добру это, Диана... Не к добру...

— Я посмотрю, что там, — бросаю ей и выбегаю на улицу.

Первое, что замечаю, — огромная машина, похожая на трактор. Свет ее фонарей слепит, и мне приходится зажмуриться. Она громко кряхтит.

Мне страшно. Хочу зажать уши руками, чтобы не слышать этого жуткого звука. Я прячусь в тени, осматриваясь вокруг. Недалеко от меня стоит какая-то женщина.

— Убирайтесь! Убирайтесь вон с моей земли! — злобно кричит она дедушке.

Его морщинистое лицо искажено страхом. Он стоит перед ней с опущенной головой и нервно сжимает в руках свою шапку.

Я узнаю в женщине — Амалию Малик, хозяйку особняка, в который мы ходили убираться с мамой. Она выглядит так же эффектно, как и в нашу первую встречу. На ней красное длинное пальто и черный берет.

— Что случилось, Амалия? — раздается звенящий голос бабушки. Опираясь на трость, она двигается в сто-

рону женщины. — Ты с ума сошла? Что за представление? Почему ты кричишь на Назима?

Поджав губы и наградив бабушку надменным взглядом, Амалия не удостоивает ее ответом. Она разворачивается в сторону громоздкой машины и, шагая на высоких каблуках, дает указание водителю:

— В доме больше никого нет. Снесите чертову хижину! Сровняйте ее с землей, чтобы и камня не осталось от этого убожества!

Машина кряхтит еще громче, чем раньше, и подъезжает к нашему дому. Из моей груди вырывается испуганный крик. Я бросаюсь вперед и преграждаю дорогу восседающему в кабинке водителю.

— Что вы делаете?! Остановитесь! — кричу, жестикулируя. Я не вижу лица мужчины, яркие фары слепят глаза. — Остановитесь! Пожалуйста!

Я не могу позволить снести наш дом. Мы останемся на улице. Денег не хватает даже на продукты.

— Прекратите! Прошу вас! — продолжаю отчаянно кричать.

Внезапно чьи-то сильные руки хватают меня сзади и оттаскивают в сторону, освобождая путь машине.

— Успокойся! — кто-то угрожающе шипит мне на ухо. — Попробуй только рыпнуться!

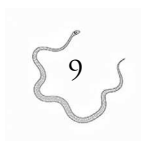
— Нет! Нет... Как же так...

Я беспомощно бьюсь в кольцо чужих рук. Они сдавливают мою талию, словно питон, удерживающий жертву.

— Отпустите! Мне нужно остановить их! Мне нужно помешать... — продолжаю жалкие попытки освободиться, будто испуганный дикий зверек.

Грозная машина приближается к дому и наносит первый сокрушительный удар своим ковшом. Мое тело содрогается так, словно я оказалась на месте разлетевшейся в стороны крыши.

— Не-е-е-ет! — вырывается из горла.

Мой душераздирающий крик смешивается с карканьем воронов, взлетающих с ближайших деревьев, и бабушкиным плачем. Я поворачиваюсь и смотрю на нее. Ее лицо залито слезами, трость валяется на земле.

Бабушка бьет себя по ногам, беспомощно наблюдая, как трактор сносит дом. Дедушка неподвижно стоит рядом с ней. Его взгляд остекленевший, неживой.

Раздается грохот — крыша проседает, рухнув на землю. В воздухе поднимается толстый слой пыли. Она проникает в мой рот и нос, оседает в горле и легких.

— Что... Что вы наделали... — произношу, кашляя и задыхаясь. — Там наша одежда... В-все наши вещи! Позвольте забрать хотя бы их, — бормочу в отчаянии.

Я дергаюсь, вновь пытаюсь вырваться из капкана. Но тело вплотную прижато к чьей-то каменной груди. У меня не получается даже обернуться, чтобы узнать, кто этот человек. Машина продолжает орудовать, разламывая стены под мои истошные крики.

Я ищу глазами женщину, учинившую этот хаос. Амалия Малик стоит и наблюдает со злорадной ухмылкой, как рушатся стены дома. Ее красивое лицо выглядит безобразно и зловеще.

Что мы ей сделали? Почему она так поступает?

Происходящее кажется мне нереальным. *Дурной, кошмарный сон... Я скоро проснусь! Проснусь и все закончится...* Невольно зажимаюсь, но когда открываю глаза — вижу, что от нашего дома ничего не осталось.

Обломки и руины... Мама сойдет с ума, когда придет и узнает, что произошло... Если бы она была здесь, то не позволила бы этому случиться! Нашла бы способ остановить их...

— Мамочка... Мама... — вырывается из моих потрепанных губ.

Удерживающий меня человек резко ослабляет хватку. От неожиданности я падаю и ударяюсь о землю. Оборачиваюсь, преодолевая боль, и сквозь пелену слез смотрю на своего пленителя...

Застываю в ужасе, когда узнаю одного из близнецов, которых я встретила несколько лет назад. Он изменился — стал выше, шире в плечах. Одет во все черное, а в его взгляде, направленном на меня, читается ненависть и отвращение.

— Почему? — Мне едва удастся разлепить онемевшие губы.

Растерянно бегаю глазами по его лицу, пытаюсь найти ответ. Слышу, как бабушка, причитая, проходит мимо меня в сторону дома. Вернее, к тому, что от него осталось...

Парень брезгливо усмехается и приседает на корточки рядом со мной. *Словно я грязь под его ногами...*

— За что? Почему вы так поступили с нами? — спрашиваю, когда наши взгляды вновь схлестываются.

Он заносит руку и, цепляясь пальцами за мои скулы, заставляет приблизиться.

— Твоя мать была шлюхой моего отца, вот почему! — с отвращением выплевывает парень. — Они попали в аварию и разбились.

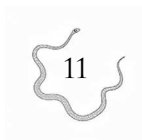
Мои глаза расширяются, сердце сжимается в горшину.

— Нет. Нет. — Я не могу даже покачать головой в знак протеста, настолько сильно он сдавливает мое лицо. — Ты врешь! Ты все врешь... Что с моей мамой? Что с ней?!

Меня будто толкнули в ледяную прорубь, и я стремительно приближаюсь ко дну. Тону в отчаянии и страхе. Начинаю задыхаться, кожа покрывается ледяной коркой... Теперь пальцы, что с силой впиваются в мои скулы, кажутся обжигающе горячими.

— Они оба погибли. Во всем виновата твоя продажная мамаша! Если бы она не имела привычки отсасывать в машине, этого бы не произошло! — Его слова, как кислота, разъедают мои нервы.

Я закрываю глаза. Мне еще никогда не доводилось слышать таких грязных слов. Тошнота и горечь под-

ступают к горлу. Хочется кричать, что это ложь. Но голосовые связки не подчиняются.

Мама, мама, мама, мама, мама...

— Убирайтесь с нашей земли! Катитесь отсюда как можно дальше! И если я еще раз встречу кого-то из вас, то обещаю... — Он останавливается, будто что-то мешает ему договорить, и с ненавистью смотрит прямо на меня.

— Моя мама не могла умереть... Она не могла... — бормочу бессвязно, словно не замечая его угрозы. — Ты врешь... Зачем? Зачем ты врешь?

Его хватка ослабевает, губы искажаются в кривой улыбке. Я стараюсь сдержать слезы, обжигающие глазницы, но одна из них прорывается и скользит по лицу. Парень проводит большим пальцем по моей скуле, ловит прозрачную каплю и беспощадно размазывает ее по щеке.

— Уверен, когда ты вырастешь, станешь такой же шлюшкой и подстилкой, как твоя мать, — снова стискивая пальцами мои скулы и наклонившись ближе, произносит он жестко. — Блядство у тебя в крови.

Парень резко отстраняется и отталкивает меня с такой силой, что я падаю на землю спиной. Он выпрямляется и демонстративно перешагивает через меня.

— У вас есть пара часов. Чтобы к утру и духа вашего здесь не было!

Я ошарашенно смотрю на его удаляющуюся спину. Слезы от обиды и унижения застилают глаза и льются по щекам, как проливной дождь. Злюсь на себя за то, что не в силах дать отпор. Постоять за родных людей... За маму.

Смахиваю влагу с лица и, собравшись, встаю на ноги. Иду вслед за парнем, намереваясь узнать побольше о том, что произошло. Он подходит к Амалии Малик и уводит ее к машине, припаркованной у разрушенной калитки.

Я хочу броситься к ним — не могу позволить этим людям так просто уехать. *Пусть расскажут, где моя мама! Где мне искать ее? Если она действительно умерла, нам нужно забрать тело... Нужно похоронить маму...*

Собственные мысли вызывают волну ужаса и паники. *Как я могла подумать, что мама умерла?*

— Пойдите! — Я прибавляю шагу, несмотря на боль и жжение в ногах. Опускаю глаза и вижу порванные на коленях джинсы и кровоточащие ссадины. — Пойдите! Где моя мама? Где она?!

Но меня не слышат или делают вид. Я упрямо иду за ними, но застываю, когда вижу, как парень помогает Амалии Малик сесть в машину. Затем замечаю второго близнеца, сидящего на капоте автомобиля. Его взгляд ничего не выражает. Словно происходящее — обычное дело и вовсе его не касается.

Он внимательно наблюдает за мной до тех пор, пока к нему не подходит близнец. Они о чем-то переговариваются, но разделяющее нас расстояние мешает услышать их. Я не осмеливаюсь подойти ближе. Парень, сидевший на капоте, приподнимается.

Близнецы стоят и смотрят в мою сторону, затем на разрушенный дом позади меня. Я сжимаю руки в кулаки. Впервые в жизни изнутри поднимается незнакомое мне ранее чувство... Всепоглощающая и жгучая ненависть к близнецам.

Только я не знаю, кого из них ненавижу сильнее. Того, кто бросил мне в лицо грязные слова и отшвырнул на землю, словно сломанную куклу... Или того, кто равнодушно наблюдал все это время за происходящим?

— Ненавижу вас! — не сдержавшись, выкрикиваю от всего сердца. — Ненавижу!

ГЛАВА 1

— Можно открыть окно? — мой голос звучит резче, чем хотелось бы.
Водитель — мужчина с обветренным лицом и усталыми глазами — бросает на меня в зеркало короткий, оценивающий взгляд. Кажется, секунду он раздумывает, а потом просто кивает сдержанно и почти незаметно. Наверное, редко у него спрашивают разрешения на такие пустяки.

Я нажимаю кнопку. Стекло с тихим шипением уходит вниз, сдаваясь потоку воздуха, жаждущему снаружи. В салон врывается свежий, упругий ветер, пахнущий утром и дорогой. Он проскальзывает в мои каштановые волосы, растрепывает их и хлещет по щеке прядью.

Я дома.

Мысль ударяет не в голову, а куда-то под ребра, заставляя сердце сжаться в сладком спазме. Наконец-то.

Высунув руку в звенящий поток, я растопырываю пальцы. Воздух теплый и плотный, он обтекает ладонь, как жидкий шелк, заигрывает с рукавом. Я закрываю глаза, позволяя улыбке медленно расплзаться по лицу. А потом вдыхаю — полной грудью, с жадностью возвращающегося изгнанника.

В нос ударяет сложный, густой коктейль: соленый йодистый шлейф моря, а поверх — терпкая, дурманящая аура специй. Куркума, кардамон, жареный миндаль. Мы, должно быть, проезжаем рядом с базаром. Или, может, это память, дремавшая пять лет в про-

мозглом климате далекой Америки, теперь буйствует, выплескивая накопленные образы и запахи. Кажется, я чувствую не только аромат, но и вкус — сладковатую мякоть инжира, кислинку ежевики, по которым тосковала в стерильных супермаркетах Нью-Йорка.

Машина мчится по трассе, увозя меня из аэропорта в глубь города. Я впитываю взглядом проплывающие пейзажи, и легкое смятение начинает подтачивать первоначальный восторг. Город изменился до неузнаваемости. Выросли новые башни из стекла и бетона, сменились вывески, поток машин стал плотнее и яростнее. Этот огромный, шумный, равнодушный мегаполис... У меня к нему никогда не лежала душа. Здесь нет теплых воспоминаний о детских проказах, меня не ждет шумная родня на пороге отчего дома. Ведь я родилась в далекой провинциальной деревушке, а в столицу попала, оказавшись в приюте. С четырнадцати лет жила на окраине города в закрытой школе-интернате для девочек. Причина моей радости от возвращения кроется в долгожданной встрече с единственной подругой — Лейлой. Мы подружились с ней еще в стенах интерната. Будучи одинокими девочками, нашли друг в друге защиту, тепло и уют. Бывает так: люди не связаны кровными узами, но становятся близки по духу.

— Какой у вас корпус? — грубоватый голос водителя возвращает меня в салон. — Подъезжаем.

— Триста пятнадцатый, — отвечаю я почти машинально, не отрываясь от окна.

Квартал преобразился до полной неузнаваемости. Пять лет назад здесь торчали три серых панельных дома посреди пыльного пустыря. Теперь же вырос целый город в городе — аккуратные жилые башни, яркие витрины кофеен, детские площадки с разноцветными горками. Мое государственное жилье, скромная однокомнатная клетушка, которую я делю с Лейлой, теперь кажется частью совсем иного мира.

Машина мягко останавливается у знакомого подъезда. Поблагодарив водителя и оставив на сиденье купюру, я выскальзываю из старенького «Volkswagen». Воздух здесь пахнет иначе: меньше моря, больше нагретого асфальта и свежееиспеченного хлеба из ближайшей пекарни. Прихватив единственный саквояж (я уезжала с ним же пять лет назад, и все мое американское житье-бытье уместилось в него же), почти бегу к двери. Пальцы сами находят код на панели: мышечная память оказывается крепче всех других.

Внутри пахнет прохладой и чистящим средством. Я проскальзываю мимо дремлющей консержки и шагаю к лифту.

— Джу обалдеет, — шепчу себе под нос, нажимая кнопку.

Лифт, скрипнув, ползет вверх. Я переминаюсь с ноги на ногу, отслеживая движение стрелки по этажам.

Лейла, она же Джу. При нашем первом знакомстве в приюте она представилась мне Джульеттой. Позже призналась, что на самом деле ее зовут Лейла. С тех пор я зову подругу не только Лейлой, но и Джу, а иногда — Джулейлой.

Я не сообщила ей о своем приезде. Она полагает, что я прилечу лишь через две недели — после того, как получу диплом. Но мне удалось договориться и забрать его раньше. Ждать столько времени только ради торжественной церемонии? В этом для меня не было никакого смысла.

Лифт добирается до этажа с мягким стуком. Тишина в коридоре густая, почти осязаемая. Восемь утра — для Лейлы, закоренелой совы, это глубокая ночь. Я подхожу к двери, зная ее привычки. Простого звонка мало: она может просто зарыться глубже в подушки.

Я прикладываю палец к дверному звонку и, затаив дыхание, нажимаю. Не отпускаю. Где-то внутри квартиры звучит настойчивый, пронзительный трезвон, нарушающий утренний покой. Я представляю, как там, за дверью, Джу морщится во сне, натягивает одеяло на голову, а потом, с проклятьем, начинает осознавать, что этот звук не сон. Уголки моих губ дергаются в предвкушении.

— Да вашу мать! — минуты через три раздается раздраженный сонный голос Джулейлы. — Какого черта? Вы совсем обнаглели, чертовы попрошайки, не в такую же рань человека будить... Не открою! Никогда больше не подам вам ни копейки. Проваливайте к черту!

— Джу-у, это я, Диана, — давлюсь смехом. — Открывай.

Очевидно, Джу приняла меня за попрошайку. Они вечно ходят по квартирам и просят подаяние. А моя сердобольная подруга редко им отказывает. Когда мы общались в последний раз, она жаловалась, что, кажется, прославилась среди них, и теперь к ее дверям они ходят как на работу. «Мне скоро придется устроиться на вторую работу или самой начинать просить милостыню», — шутила она, не зная, как остановить это паломничество.

Замок щелкает, и дверь резко распахивается. На пороге стоит заспанная Джу с широко раскрытыми от удивления глазами. На ней стильный комплект из шелковой майки и коротких шорт. Копна иссиня-черных волос собрана в хвост, в синих глазах — шок и изумление.

— Ди-Ди! Это ты! Ди-и-и!

Переступив порог, я бросаю сумку на пол и кидаюсь обнимать подругу. Мы визжим и, не выпуская друг друга из объятий, кружимся по маленькой прихожей.

— Боже! Как так? Почему не сообщила, что прилетаешь? Я бы встретила! — ругает она, когда, наобнимавшись, мы проходим в квартиру.

— Я хотела сделать сюрприз, и он удался, судя по тому, что ты приняла меня за бродяжку, — отвечаю подруге, рассматривая интерьер гостиной.

Еще до моего отъезда мы решили жить вместе. Окончив интернат, я получила однокомнатную квартиру, а Джу — комнату в общежитии, где жили в основном мужчины. Поэтому мы стали сдавать ее комнате и жить у меня.

За время моего отсутствия Джу сделала ремонт. Теперь комната выглядит очень красиво и невероятно уютно.

— Да, я думала, это снова попрошайки, — закатывая глаза, отвечает подруга. — Ума не приложу, что с этим делать, хоть переезжай.

— Просто не открывай дверь. Я же говорила, что они побогаче нас с тобой, Джу. Я смотрела документальный фильм про попрошайек — это целый синдикат, бизнес. Если действительно хочешь помочь кому-то, есть официальные фонды, куда можно перевести деньги. А не так...

— Да, я уже поняла, что облажалась, — говорит она со вздохом. — Но ладно, не будем об этом. Беги в душ, уверена, тебе этого очень хочется после долгого перелета. А я быстренько приготовлю завтрак.

— Очень хочу и душ, и твой фирменный омлет, — бесстыдно подхалимничаю я.

Из нас двоих вкусно готовит только Джу. Ко всему прочему, она любит эстетичную подачу блюд. Да и вообще подруга — эстет до мозга костей.

— В ванной есть все необходимое. Чистое полотенце — на полке в шкафу. А в ящике — новая зубная щетка.

— Спасибо, Джу, я найду.